

Николай
Клюев

ДОЛИНА
ЕДИНОРОГА

СТИХИ

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К52

Клюев, Н.

К52 Долина единорога / Н. Клюев. — М. : Т8RUGRAM, 2023. — 140 с. — (Голоса).

ISBN 978-5-521-77255-1

Николай Алексеевич Клюев (1884–1937) — русский поэт, представитель «новокрестьянского» направления начала XX века, творчеству которого присущи обращения к теме деревенской России.

«Долина Единорога» — сборник стихотворений, в которых поэтизируется «естественность» и «нетронутость» быта и сознания крестьян, сельской природы, а также противопоставляется нравственная чистоты деревни развращённому городу. Лирика Клюева несомненно запомнится читателю и позволит услышать несмолкаемый Голос Вечности!

УДК 82.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC DCF
BISAC POE000000

ISBN 978-5-521-77255-1

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

СЕРДЦЕ ЕДИНОРОГА

* * *

Лежанка ждет кота, пузан-горшок — хозяйку, —
Объявятся они, как в солнечную старь,
Мурлыке будет блин, а печку-многознайку
Насытят щаный пар и гречневая гарь.

В окне забрежит луч — волхвующая сказка,
И вербой расцветет ласкающий уют;
Запечных бесенят хихиканье и пляска,
Как в заморозки ключ, испуганно замрут.

Увы, напрасен сон. Кудахчет тщетно рябка,
Что крошек нет в зобу, что сумрак так уныл —
Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка,
Чтоб дедовских седин буран не леденил.

Лишь в предрассветный час
 лесной, снотворной влагой
На избяную тварь нисходит утомон,
Как будто нет Судьбы, и про блины с котягой,
Блюды печной дозор, шүшүкает заслон.

1915

* * *

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером ссыпал медяки).

Четыре вдовы в поминальных платках,
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках,
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,

Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как допреж, сытовые хлебы пекла.
Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на погост.

Хрущатой рядниной покрыли скамью, —
На одр положили родитель мою.
Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашепталася теней гурьба,

В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке платок, —
Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:

«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы.

Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель-Иван с ендовы расписной
Их поит живой Иорданской водой...»

Зарделось оконце... Закат золотарь
Шасть в избу незванный: «Принес-де стихарь
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ ввечеру,

А вынос блюсти я с собой приведу
Сутемки, зарядку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть и гать
Велю золотые ширинки постлать».

1916

ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ

Памяти матери

1

Осиротела печь, заплаканный горшок
С таганом шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окном чета доверчивых сорок
Стрекочет: «Близок май, про то, дружок, узнай-ка!

Узнай, что снегири в лесу справляют свадьбу,
У дятла-кузнеца облез от стука зоб,
Что, вверивши жуку подземную усадьбу,
На солнце вылез крот — угрюмый рудокоп,

Что тянут журавли, что проболталась галка
Воришке-воробью про первое яйцо»...
Изжаждалась бадья... Вихрастая мочалка
Тоскует, что давно не моется крыльцо.

Теперь бы плеск воды с веселою уборкой,
В окне кудель лучей и сказка без конца...
За печкой домовой твердит скороговоркой
О том, как тих погост для нового жильца,

Как шепчутся кресты о вечном, безымянном,
Чем сумерк паперти баюкает мечту.
Насупилась изба, и оком оловянным
Уставилось окно в капель и темноту.

1914

2

«Умерла мама» — два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком.
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом:

Кто она? Колокол в сумерках пегих,
Дух живодерни, ведун-коновал,
Иль на грохочущих пенных телегах
К берегу жизни примчавшийся шквал?

Знает лишь маковка ветхой церквушки,
В ней поселилась хозяйки душа,
Данью поминною — рябка в клетушке
Прочит яичко, соломой шурша.

В пестрой укладке повойник и бусы
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас — молодой в наряд».

Время, как шашель, в углу и за печкой
Дерево жизни буравит, сосет...
В звезды конек и в потемки крылечко
Смотрят и шепчут: «Вернется... Придет...»

Плачет капелями вечер соловый,
Крот в подземельи и дятел в дупле...
С рябкиной дремою, ангел пуховый
Сядет за прялку в кауровой мгле.

«Мама в раю», — запоеет веретенце,
«Нянюшкой светлой младенцу-Христу...»
Как бы в стихи, золотые как солнце,
Впрясть волхвованье и песенку ту?

Строки и буквы — лесные коряги,
Ими не вышить желанный узор...
Есть, как в могилах, душа у бумаги —
Алчущим перьям глубинный укор.

1915— 1916